

ПЕТРО

Портрет женщины в белом

Известный художник, ученик Репина, Исаак Бродский был страстным коллекционером, которому удалось собрать и оставить людям более тысячи картин, акварелей, рисунков таких мастеров кисти, как Крамской, Репин, Рерих, Кустодиев...

Кстати, Борис Кустодиев, известный прекрасными портретами своих современников, изобразил Бродского не с палитрой у холста, а с приобретенным экспонатом для своей коллекции. Бродский был, конечно, талантливым художником, но, право же, не было бы у нас прекрасного музея, если бы не его страсть к собиранию картин, если бы не его коллекция. Правда, со временем многое из его собрания «разбежались» по государственным и частным хранилищам, но и то, что осталось после смерти художника, вполне хватило, чтобы его последнее пристанище обрело статус музея.

Из многих десятков работ, собранных и сохранившихся в двухэтажном особнячке, обратив внимание на портрет женщины в белом платье, помещенный в 1888 году и подписанный — И. Левитан.

Прирожденный пейзажист, Левитан довольно редко обращался к жанру портрета и только в тех случаях, когда самым фактом создания портрета хотел объяснить влюбленность к своей «модели». Так появился портрет молодого Антона Чехова, с которым Левитан дружил многие годы. Так был запечатлен Николай Павлович Панафиллин, владелец усадьбы в селе Покровском Тверской губернии, где Левитан был всегда желанным гостем и где, по словам современника, за ним «суживал весь дом». И вот еще портрет Софьи Петровны Кувшинниковой.

Перед нами художница, одну из работ которой приобрел к тому времени П. Третьяков. Но более привлекала Левитана она сама, женщина с энергичным, несколько взбалмошным характером, с повадками тамады, с поступками амазонки. Вот что позднее писал о ней младший брат Антона Че-

хова — Михаил: «Это была не особенно красивая, но интересная по своим дарованиям женщина. Она прекрасно одевалась, умела из кусочков сшить себе изящный туалет и обладала счастливым даром придавать красоте и уют даже самому унылому жилищу».

Стремление к оригинальности побуждало ее использовать в качестве диванов ящики изпод мыла (сверху — матрац), а вместо оконных штор — рыбачьи сети. На квартире Кувшинниковых бывала, по мнению очевидцев, «вся Москва: певцы, артисты, поэты, художники, музыканты. Софья Петровна просто «купалась» в такой обстановке».

Вместе с Левитаном в гостях у Кувшинниковых нередко бывал и Антон Павлович Чехов. Но он всегда держался несколько в тени, не столько веселился, сколько наблюдал за весельем. Он недолюбливал хозяйку дома и явно сочувствовал хозяйну, своему «коллег» — врачу полицейского участка. Дело в том (снова обратимся к Михаилу Чехову), что

«среди друзей и знакомых стали поговаривать о том, о чем следовало помолчать».

Пройдет какое-то время, и Чехов напишет свой прекрасный и безжалостный рассказ «Попрыгунья», в котором воздаст «всем сестрам по серьгам», не пощадит ни хозяйку дома, ни своего друга-художника, узнавшего себя в пейзажисте Рябовском. Двери дома Кувшинниковых закрылись для автора «Попрыгуньи», а дружба с Левитаном прервалась на долгое время.

Несравненная талантливость рассказа должна была, по мнению писательницы Шелкиной-Куперник, хорошо знавшей эту историю, оправдать Чехова в глазах «пострадавших», но этого не случилось. Впрочем, тогда многие упрекали писателя в излишней «прозрачности» сюжета, и он вынужден был объяснять в письмах близким, что и в «мыслях не имел... писать карикатуры на своих знакомых».

Хотел Чехов того или нет, но выпад его писательской рапиры был настолько точен, что у современников, даже далеких от эпицентра «домашнего» скандала, не оставалось сомнений, кто есть кто. В письме к родителям начинающий художник Нестеров мимоходом сообщает: «...обедая у чеховской «Попрыгуньи», и она в знак чего-то навязала мне какой-то болгарский орден-браслет на память. Нечего делать — взял. Была и она у меня, восторгам и всевозможным выходкам не было конца».

Кувшинникова оставила нам талантливые воспоминания о совместных поездках с Левитаном по Волге, о том, как создавались им самые знаменитые сейчас картины «Над вечным покоем», «Владемирка» и другие. Повзвысил художественный ценз и самой Кувшинниковой: в фондах Третьяковской галереи хранятся теперь три ее работы. Всего на несколько лет пережила она своего друга и наставника, умерла в безвестности в каком-то дачном поселке, ухаживая за больным, скорее всего малознакомым ей человеком.

Рассказ о «женщине в белом» хотелось бы закончить такой оптимистической картиной: по зеленому весеннему лугу мчатся на коне во весь опор всадница с рассыпанными по плечам длинными волосами. Всадница смеется и что-то кричит, подставляя солнцу и ветру мальчишески оживленное лицо...

Такой впервые увидела Софью Петровну на даче ее будущая подруга. Такой и мы запомним ее.

В. ТРИФОНОВ